

Местные сельскохозяйственные общества: на пути к аграрной модернизации России

О.Ю. Елина

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия,
olgaelina@mail.ru

В работе рассмотрены научно-организационные и социально-экономические контексты функционирования местных обществ, составлявших большинство сельскохозяйственных объединений Российской империи. Их деятельность успешно сочетала поддержку и развитие агрономической науки с практической работой по внедрению инноваций в местное сельское хозяйство. В союзе с земствами местные общества лидировали в издании сельскохозяйственной периодики, создании опытных учреждений, организации образовательных институций, просветительской работе среди крестьян. Показано, что общественный сектор являлся важным центром процессов аграрной модернизации в провинции и в империи в целом.

Ключевые слова: сельскохозяйственные общества, агрономическая наука, профессионализация агрономии, общественные научно-образовательные институции, аграрная модернизация.

Выступая в 1908 г. на правительственном совещании по вопросам организации агрономической науки, профессор Московского сельскохозяйственного института Д.Н. Прянишников заявил: «Мысль, что Петербург может заботиться о всей России, эту мысль надо оставить: пусть в Петербурге позаботятся лишь о том, чтобы не мешать возникновению инициативы на местах» (Труды совещания, 1908, с. 45). Через несколько лет другой видный деятель агрономии В.В. Морачевский констатировал: «Почин в деле осуществления целого ряда мероприятий к усовершенствованию сельского хозяйства принадлежит в значительной своей части именно сельскохозяйственным общественным организациям» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 108).

Общественные организации, о которых шла речь, — многочисленные общества сельского хозяйства, прежде всего провинциальные, носители «инициативы на местах». Именно сельскохозяйственные общества (наряду с земствами) оказались главной движущей силой аграрной рационализации, носителями «культуры модернизации» (Kingston-Mann, 1999, p. 4) в российской провинции. Это происходило, в том числе, благодаря беспрецедентному вниманию к развитию агрономической науки, стимулированию ее образовательных и исследовательских институций.

Что представляли собой сельскохозяйственные общественные объединения? Какие факторы способствовали их массовому появлению, в чём состояла организационная специфика? И главное: как именно общества занимались усовершенствованием сельского хозяйства «на местах»? Что позволило им выйти в лидеры в деле вспомоществования агрономической науке?

Ответам на эти вопросы посвящена настоящая работа.

Что представляли собой эти объединения?

О сельскохозяйственных обществах написано, на первый взгляд, немало¹. Главным образом потому, что к их числу принадлежат старейшие и хорошо изученные Вольное

---

¹ Детальный обзор историографии сельскохозяйственных обществ см.: Елина, 2011.

экономическое общество (ВЭО), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ). Отдельные стороны деятельности сельскохозяйственных обществ затрагиваются в исследованиях модернизационных процессов в российской деревне².

Вместе с тем изучением данных обществ как самостоятельной группы добровольных объединений занимаются редко³. Возможно, это связано с их крайним разнообразием и многочисленностью: наряду с известными учёными обществами сюда относится огромное количество всевозможных провинциальных организаций. Кроме того, изучение этой группы требует от исследователя охвата значительного временного интервала: истоки добровольных объединений в сфере сельского хозяйства уходят в XVIII в., когда были созданы ВЭО (1765), Лифляндское общепользное экономическое общество (ЛифляндОЭО, 1792). А к 1915 г. в России действовало почти 6 тыс. обществ этого направления, причем за предвоенные годы их число удвоилось⁴.

Определим само понятие «*сельскохозяйственные общества*». В уставных документах они охарактеризованы как объединения, задача которых «содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 42). Историческая традиция предлагает называть сельскохозяйственными обществами организации, имевшие широкие научные устремления и представительный состав членов (от маститых учёных-профессионалов до любителей-аристократов из числа крупных землевладельцев). Одновременно к этой группе относят объединения крестьян, во множестве создаваемые на рубеже XIX–XX вв. для решения производственно-потребительских проблем.

Словари и энциклопедии дореволюционных лет среди целей сельскохозяйственных обществ называют «практическое усовершенствование сельского хозяйства с помощью науки и хозяйственно-политических мероприятий, защиту и развитие земледельческой промышленности» (Советов, 1899, с. 158). Другое известное издание утверждает: «Сельскохозяйственные общества понимаются нашим законодательством (речь идёт о середине 1910-х гг. — *О.Е.*) как учреждения, которые в своей деятельности имеют в виду прежде всего общественный интерес и общую пользу в сфере сельского хозяйства обслуживаемой ими местности, будь то в области просветительских мероприятий (по распространению знаний, изучению местных условий, выяснению опытным путем различных вопросов сельскохозяйственной практики и т.д.) или мероприятий чисто экономического характера (направленных на облегчение хозяевам данной местности приобретения усовершенствованных орудий, доброкачественных семян, удобрительных туков и пр., по содействию в сбыте сельскохозяйственных продуктов)» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 190). Современные исследователи в качестве базовой характеристики сельскохозяйственных обществ также выделяют совмещение научной работы с обслуживанием практических потребностей сельского хозяйства. При этом сельскохозяйственные общества анализируют как в числе объединений преимущественно экономических — А.Д. Степанский

² Среди обширного блока работ в этой области назовём труды таких авторов, как И.В. Герасимов (Gerasimov, 2009), К. Кингстон-Манн (Kingston-Mann, 1999), С.А. Козлов (2002, 2008), Я. Коцонис (2006).

³ Отметим немногие публикации по данной теме: Довженко, 1975; Козлов, Козлова, 1993; Тихонов, 1961; Чернуха, 1991.

⁴ Приведено по следующим источникам: Агрономическая помощь в России, 1914; Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911; Справочные сведения, 1916, 1917; Глебов (Меркулов), 1908.

(1982), А.С. Туманова (2008), В.Г. Чернуха (1991); так и научных — Дж. Бредли (Bradley, 2010), И.И. Комарова (Путеводитель по научным обществам, 2000).

Оставив за рамками нашего исследования многочисленные крестьянские сельскохозяйственные объединения, созданные для совместной обработки земли, сбыта и переработки продуктов и т. п., сосредоточим внимание на обществах, которые имели в реестре своих задач «разрешение учёных вопросов». При этом в качестве немаловажной характеристики сельскохозяйственных обществ научной направленности следует назвать присутствие в том или ином объеме «экономической» (направленной на практическое ведение хозяйства, *экономики*) составляющей их деятельности⁵. Заметим при этом, что общий баланс складывался с преобладанием первого направления.

Итак, объектом внимания в нашем исследовании станут *научные сельскохозяйственные общества*, затрагивающие в своей деятельности различные вопросы агрономической науки⁶.

Историю сельскохозяйственных обществ традиционно отсчитывают от 1765 г., когда под патронажем императрицы передовые российские землевладельцы объединились с учёными «...ко исправлению земледелия и домостроительства», организовав ВЭО. Отметим, что на модели сельскохозяйственных обществ отрабатывалась история законодательной регламентации общественной сферы. 31 октября 1765 г. Екатерина II утвердила устав ВЭО; «этот акт, впервые упорядочивший отношения между государством и общественностью, установил главным условием ее организованной работы лояльность власти и получение правительственного разрешения» (Туманова, 2008, с. 143—144). С тех пор все известные деятели агрономии и любители-«экономы» состояли в ВЭО и менее крупных объединениях. В свою очередь все создаваемые общества проходили через процедуру государственной регистрации (на первом этапе с утверждением устава непосредственно монархом).

Выбрав в качестве критерия *территориальный* — «район действия» — мы получаем три основные подгруппы обществ.

В первую вошли *межрегиональные* общества, действовавшие в масштабах всей империи. Их называют также *центральными*. Как правило, они имели статус императорских и наименование «всероссийские» («российские», «русские»): Всероссийское общество сахарозаводчиков, Имп. Российское общество садоводства, Имп. Русское общество акклиматизации животных и растений и др.⁷

Вторую подгруппу составляют *губернские* сельскохозяйственные общества и общества с районом действия в несколько губерний.

К третьей мы относим *уездные* и другие *мелкорайонные* организации (волостные, сельские, приходские и пр.; их называли также *внутриуездными*).

Нас будут интересовать общества двух последних подгрупп. Согласно историографической традиции (например, (Тихонов, 1961)), назовём их *местными*. Главная характеристика местных обществ очевидна: ориентация на решение проблем местного

⁵ Непременное наличие экономической стороны работы «учёных» обществ — главное отличие этой группы от естественнонаучных, которые подобной активностью не занимались.

⁶ Научных сельскохозяйственных обществ в России по нашим данным (подсчёт сделан на основе источников, перечисленных в сноске № 4) было немногим более 200.

⁷ Мы считаем целесообразным опускать определение «императорские», поскольку оно отсутствовало при учреждении обществ, а впоследствии было упразднено для большинства из них в 1910-е гг.

сельского хозяйства. Скажем, что местные общества (как и центральные) могли быть по характеру и целям *общими, общей направленности* (призванными решать общие вопросы сельского хозяйства), или *специальными* (ориентированными на отдельные отрасли). При этом речь пойдет не только об обществах, действовавших в российской глубинке, провинции⁸. К местным мы относим, например, Санкт-Петербургское общество сельского хозяйства, по названию принадлежащее «центру», но по активности — губернское. Особое положение занимают общества, подобные МОСХ, Обществу сельского хозяйства Южной России (ОСХЮЖР), то есть формально местные. Однако первое только на раннем этапе ограничивалось московским регионом; со временем МОСХ распространило свою деятельность на всю Европейскую Россию. Второе исходно охватывало территорию Южного Черноземья, Юга и Юго-Запада империи. Следовательно, по базовым характеристикам их правильнее отнести к межрегиональным, центральным. И все-таки подчеркнем, что в практической работе, особенно в рамках своих региональных отделений, эти общества решали прежде всего проблемы местного хозяйства.

Коротко охарактеризуем особенности географического распределения местных обществ. Можно обнаружить несколько регионов-лидеров по количеству обществ. Больше всего их возникло на территории Украины: в Полтавской губ. (более 300), Черниговской (108), Харьковской (84), Екатеринославской (75). Другим центром активности в сфере аграрной самоорганизации был запад империи (Прибалтика, Белоруссия, Царство Польское): губернии Лифляндская (173), Калишская (145), Люблинская (101), Варшавская (97), Петроковская (95), Курляндская (92), Витебская (88). Далее следовали Волго-Вятский регион и Поволжье: Пермская (162), Вятская (98), Самарская (74), Саратовская (около 70). В лидерах также оказались губернии северной части Центральной России: Костромская (142), Новгородская (134), Вологодская (76). Не анализируя пока причины лидерства, в порядке общих комментариев уточним: по общественной активности эти регионы оставили далеко позади столичный «центр», где показатели существенно ниже (Петербургская губ. — 110, Московская — около 70), несмотря на регистрационную «прописку» там центральных обществ и исторически сложившуюся учебно-агрономическую инфраструктуру.

Сказанное выше подводит к мысли: изучать местные общества, географически дистанцированные от столиц и крупных городов, однако претендующие на роль «центров» аграрной жизни провинции, может помочь помещение их в координаты центр-периферия. Это потребовало знакомства с обширной литературой, преимущественно зарубежной, посвящённой анализу развития местного знания в рамках подхода, который называют «локалистским». Заметим, что социальные историки науки давно интересовались местными общественными институциями. Принципиальное отличие «локалистского подхода» от традиционных состоит в пересмотре привилегированного, «центрального», статуса научного знания, признании того, что наука определяется местным контекстом. Обновлённый интерес к «местному» проявился в широком распространении региональных исследований науки, изучении колониальной и имперской науки, национальных и локальных стилей научных практик и знания, отношений центр—периферия⁹.

⁸ Отметим множественную трактовку понятия «провинциальный»: от не «принадлежащий к столицам» (Nye, 1986) до ещё более узкого — «не относящийся к университетским городам» (Лоскутова, 2011).

⁹ Перечислим некоторые издания: Fox, 1980; Inkster, 1985; Metropolis and Province, 1983; Nye, 1986; Porter, 1980; Todd, 1993; Science and Empires, 1992; Pynson, 1993.

Для нас крайне важны как общие работы в рамках социологии научного знания, так и конкретные исследования «местной науки». Вслед за Э. Шилзом (Shils, 1972, 1975, 1982) мы отмечаем, что понятия «центр» и «периферия» относительны, меняются во времени. Они не обязательно связаны с географией, а если связаны, то географический центр не всегда совпадает с содержательным. Социологическая концепция Шилза наполняется конкретным содержанием в исследованиях С. Шейпина, посвящённых шотландской науке эпохи Возрождения (Shapin, 1974). По мнению Шейпина, наука является формой «организованной публичной культуры» (Shapin, 1974, p. 95) с внешней «аудиторией заказчиков» (имеется в виду публика, в том числе организованные сообщества. — *О.Е.*) и исполнителями-учёными. Большинство аудитории заказчиков составляли дворяне-землевладельцы, для которых сельское хозяйство было источником средств к существованию. Интересы этой периферийной аудитории стали «центральными» при определении направления, которое выбрала шотландская наука в XVIII в. — прежде всего в сфере химии, наук о земле, агрономии.

Рассуждения Шейпина способствуют пониманию того, как поддержка науки реализуется в провинциальном сельскохозяйственном окружении, отмеченном слабым экономическим развитием и недостатком политической самореализации. Схожую картину — при всей разнице национальных и временных контекстов — мы наблюдаем в российской провинции, где именно организованные землевладельцы определяли характер местного научного развития.

Наконец, крайне важны работы, выполненные на отечественном материале. Среди них — исследование Э. Хектен, которая на примере изучения «молодой науки» бактериологии в России показала преимущества локалистского подхода (Хектен, 2001). Понятие «местной науки», считает Хектен, — полезный инструмент при изучении «географически распыленной и институционально децентрализованной дисциплины бактериологии» (Хектен, 2001, с. 40), связанной не с университетами и академиями, а с провинциальными станциями и их местными патронами. Параллели очевидны: институциональная структура агрономической науки, в том числе «молодой науки селекции», в России также опиралась на провинциальные станции, возникшие при поддержке местных сельскохозяйственных обществ. Поэтому в наших исследованиях мы будем использовать все инструменты локалистского подхода — от концепта центральности до отношений патронажа.

Какие факторы способствовали появлению местных обществ?

Как возникали общества «на местах»? Какие факторы способствовали их массовому появлению? Оказали ли влияние на этот процесс ключевые события аграрной истории Российской империи?

Ранний период общественной самоорганизации — конец XVIII — начало XIX вв. — почти не затронул интересующие нас объединения. В это время создавались главным образом крупные центральные общества; появлялись лишь единичные местные — ЛифляндОЭО (1792); Эстляндское экономическое общество (1808).

Первое заметное оживление, которое можно охарактеризовать как этап в организации местных обществ, наблюдалось в конце 30-х годов XIX в. Тогда стали открываться губернские общества и некоторые уездные. Хронология этих событий такова:

1839 — Казанское экономическое о-во;

- 1839 — Курляндское о-во сельского хозяйства (действ. с 1840 г.);
- 1839 — Эстляндское сельскохозяйственное о-во;
- 1839 — Ярославское о-во сельского хозяйства;
- 1845 — Лифляндское о-во поощрения сельского хозяйства и промышленности;
- 1847 — Лебедянское о-во сельского хозяйства (Тамбовская губ.);
- 1848 — Общество сельского хозяйства Юго-Восточной России (Пензенская губ.);
- 1849 — Калужское о-во сельского хозяйства;
- 1849 — Общепольное и сельскохозяйственное о-во для южной Лифляндии;
- 1850 — Кавказское о-во сельского хозяйства;
- 1854 — Юрьевское о-во сельского хозяйства (Владимирская губ.);
- 1858 — Смоленское о-во сельского хозяйства;
- 1859 — Симбирское о-во сельского хозяйства.

На этот процесс явно повлияло учреждение в 1837 г. Министерства государственных имуществ (МГИ) с особым 3-м департаментом для ведения дел по улучшению сельского хозяйства, впоследствии известного как Департамент земледелия (ДЗ). «Управление обществами, служащими к распространению сведений о сельском хозяйстве» попало под юрисдикцию департамента. С тех пор «возникновение новых сельскохозяйственных обществ начинает идти несколько быстрее» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 104). При этом процедура открытия обществ по-прежнему требовала Высочайшего утверждения. Правда, ещё с 1808 г. — по представлению Комитета министров (КМ) с предварительным обсуждением уставных документов на его заседаниях¹⁰. Считается также, что это оживление стало ответной реакцией российской публики на некоторую либерализацию внутренней жизни России 1840-х гг. и небывалый размах общественной активности в странах Западной Европы.

Говоря об обществах этого периода, историки называют их «элитарными» (Герасимов, 2003, с. 283), малоэффективными в плане воздействия на сельское хозяйство (Козлов, 2002, с. 340), противопоставляя им более открытые и активные объединения начала XX в. С этим утверждением можно согласиться, но с одной оговоркой: для развития агрономической науки уже на этом временном отрезке общества сделали немало. Напомним, что именно в 1830-е годы благодаря усилиям членов ВЭО при КМ был создан «Комитет об усовершенствовании земледелия в России», в результате деятельности которого стала выходить «Земледельческая газета» (1834), была открыта казённая Горыгорецкая земледельческая школа (1836, впоследствии преобразованная в институт) и кафедра агрономии в Санкт-Петербургском университете (1836) (Биология в Санкт-Петербурге, 2011, с. 244).

Отмечают и общее ухудшение положения общественных организаций в годы правления Николая I, в том числе попытку огосударствления обществ (Туманова, 2007, с. 55). Однако некоторые из проявлений патернализма — получение рядом обществ статуса императорских, сопутствующее этому финансовое стимулирование, наделение руководства правами государственных служащих и др. — требуют в случае сельскохозяйственных обществ особой трактовки. И вот почему. Аграрные объединения того времени никак нельзя причислить к авангарду либерализма. Как справедливо отмечает С.А. Козлов, большинство членов сельскохозяйственных обществ,

---

¹⁰ В 1808 г. вышли особые правила для КМ, предписывающие ему рассматривать уставы тех обществ, которые хотели получить дополнительные возможности, выходящие за рамки общих узаконений (см.: Исторический обзор, 1903, с. 151).

являясь средними и крупными помещиками, занимали достаточно консервативные общественно-политические позиции (Козлов, 2002, с. 346). Есть основания полагать, что для данной группы обществ результатом государственного контроля стали стимулирующие правительственные вспомоществования, а не ограничения и цензура, почти никак не затронувшая деятельность этих и без того лояльных объединений. Таким образом, мы склонны согласиться с мнением А.Д. Степанского, что «сельскохозяйственные общества развивались в сравнительно благоприятных условиях — царское правительство не только не препятствовало, но, напротив, поощряло их» (Степанский, 1982, с. 10). Добавим, что поощрение выражалось в ставшем со временем регулярным казённом субсидировании обществ и их отдельных проектов, присуждении индивидуальных императорских наград и др.; все это позволяло институционально и тематически расширить деятельность в области агрономии.

В эпоху Великих реформ растущая профессионализация российской общественности, развитие местного самоуправления, рост интереса к агрономическому знанию привели к дальнейшему расширению и структурированию сельскохозяйственных объединений. Одной из отличительных особенностей этого периода стало открытие отделений центральных обществ в провинции, специализация в рамках крупных обществ с образованием секций и комитетов. Другой характеристикой этого этапа стало открытие обществ с уездным (группа уездов, уезд) охватом действия. Как мы видели, первые из числа таких обществ были созданы ещё в 1840-е гг.; пореформенный их список пополнялся в следующем порядке:

- 1865 — Одоевское о-во сельского хозяйства (Тульская губ.);
- 1867 — Таганрогское о-во сельского хозяйства (Область войска Донского);
- 1867 — Тукумское о-во сельского хозяйства (Курляндская губ.);
- 1869 — Чернское о-во сельского хозяйства (Тульская губ.);
- 1870 — Эстское о-во сельского хозяйства (Лифляндская губ.);
- 1873 — Екатериненштадское сельскохозяйственное собрание (Самарская губ.);
- 1875 — Котельническое экономическое о-во (Вятская губ.);
- 1877 — Кобелякское сельскохозяйственное о-во (Полтавская губ.);
- 1877 — Иллукст-Фридрихштадское сельскохозяйственное о-во (Курляндская губ.);
- 1878 — Пошехонское о-во сельского хозяйства (Ярославская губ.);
- 1878 — Даниловское о-во сельского хозяйства (Ярославская губ.);
- 1889 — Купянское о-во сельского хозяйства (Харьковская губ.).

В этом всплеске активности можно усмотреть и связь с первой серьёзной либерализацией законодательства. Регистрацию обществ перевели на уровень соответствующих министерств. 15 апреля 1866 г. было принято положение, согласно которому право утверждать проекты уставов обществ получал министр государственных имуществ по соглашению с министром внутренних дел¹¹. Предполагалось, что законодательный акт не только упростит разрешительную процедуру, но и повысит эффективность деятельности обществ. Утверждать уставы аграрных объединений теперь должен был министр, знакомый с сельским хозяйством и его потребностями. Действительно, МГИ занялось регистрацией обществ, выделением казённых пособий отдельным местным обществам.

С 1880-х гг. к субсидированию общественных проектов приступили земства. И местные общества, и земства преследовали общую цель — скорейшую модернизацию сельского хозяйства в регионе, основанную на рекомендациях агрономической науки.

¹¹ Это положение вошло в дальнейшем в УСХ (см.: Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 21).

Научно-практическая деятельность обществ оказалась в русле интересов земств, что предопределило финансовую поддержку со стороны последних.

Историки выделяют 1890-е гг. — начало XX в. как время грандиозного подъема общественной самодеятельности, когда происходил численный рост организаций всех типов (Степанский, 1982, с. 28). Именно на этот период пришёлся своеобразный «двугорбый» пик создания местных сельскохозяйственных обществ. Предпосылки первого всплеска активности лежат в области социально-экономической. В стране после катастрофической засухи 1891–1892 годов начался голод, названный современниками «великим». Бездействие центрального правительства вызвало небывалый общественный резонанс (Ермолов, 1892). Помощь голодающим приобрела характер массового движения, в которое включились частные лица, деятели местного самоуправления, добровольные общества разного профиля. Под влиянием борьбы с голодом произошел количественный рост сельскохозяйственных обществ, которых к 1899 г. насчитывалось уже более 250 (Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911, с. XIII).

Ответной реакцией властей стала реформа министерства: в марте 1894 г. МГИ было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ (МЗиГИ). Одним из первых нововведений реформированного министерства явилось создание в конце 1894 г. специального общественного совета по надзору за сельским хозяйством с привлечением представителей сельскохозяйственных обществ, земств и отдельных хозяев — Сельскохозяйственного совета (СС). Имея целью «...содействие установлению тесной и живой связи между Министерством и практическими деятелями в области сельского хозяйства» (Отчёт о деятельности Сельскохозяйственного совета, 1895, с. 3), СС лоббировал интересы аграрной общественности в земледельческом ведомстве. Уже на первой его сессии началось обсуждение проекта «Нормального устава» сельскохозяйственных обществ, разработанного ДЗ МЗиГИ, а также проекта положения о сельскохозяйственных съездах. Для детального рассмотрения проектов при СС была образована специальная комиссия. В докладе, получившем одобрение СС, члены комиссии констатировали важное значение сельскохозяйственных обществ, отмечая при этом их «малую распространённость» и «малую деятельность». Причины этого комиссия видела в «общих условиях нашей провинциальной жизни, не возбуждающих самодеятельности, а эти условия не изменяются и не изменятся с изданием (из общего контекста имеется в виду *без издания*. — О.Е.) “Нормального устава”» (Отчёт о деятельности Сельскохозяйственного совета, 1895, с. 24).

«Нормальный устав» (НУ) был утверждён 28 февраля 1898 г. (Нормальный устав, 1910). В Устав сельского хозяйства — основной закон, регламентирующий все виды деятельности в этой области, — ввели новые положения и статьи. Так, ст. 42 гласила: «Лица, желающие образовать на основе “Нормального устава” сельскохозяйственное общество, подают письменное о том заявление губернатору» (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 42). Таким образом, при условии тождества устава проектируемого общества НУ вопрос о его открытии предоставлялся власти местного губернатора.

Отметим крайне важный момент: положения НУ распространялись только на местные общества, деятельность которых ограничивалась губернией и менее крупным образованием (группа уездов, уезд, волость и так далее)¹². Именно этот документ

¹² Если район действия добровольного объединения превышал размеры губернии, а также при внесении в устав общества каких-либо изменений или дополнений, отсутствующих в «Нормальном уставе», вопрос об открытии общества вносился губернатором на рассмотрение ведомства земледелия (Устав сельского хозяйства, 1903, ст. 40, 44).

предопределил последовавший второй всплеск — фактически «девятый вал» — в самоорганизации периферийной аграрной общественности.

Рассмотрим основные положения НУ, на основе которых строилась деятельность местных обществ. Прежде всего, была определена цель обществ: «Содействовать в районе своих действий соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности» (Нормальный устав, 1910, с. 5). В соответствии с этим формулировались полномочия, конкретные задачи и обязанности местных обществ. Главнейшие из них: 1) изучать положение в различных отраслях сельского хозяйства путем обсуждения соответствующих вопросов на собраниях общества, в специальных комиссиях и на съездах; снаряжать экспедиции и экскурсии для обозрения хозяйств членов общества, а также для всевозможных сельскохозяйственных исследований; 2) распространять теоретические и практические сведения по сельскому хозяйству путём устройства публичных чтений, издания и распространения трудов общества, а при возможности — создания собственного периодического издания, организации сельскохозяйственного училища, библиотеки, музея; 3) распространять среди местных хозяев наиболее правильные способы ведения хозяйства путем испытания и адаптации к местным условиям передовых отечественных и зарубежных приемов и культур; устраивать конкурсы земледельческих машин и орудий, организовывать опытные учреждения и содействовать их деятельности; 4) способствовать местным хозяевам в правильной организации хозяйства, принимать на себя посредничество по снабжению необходимыми орудиями и материалами, сбыту продуктов, открывая с этой целью справочно-комиссионные бюро, сельскохозяйственные склады и т. п.; 5) устраивать выставки, аукционы, поощрять отличившихся на поприще сельского хозяйства присуждением почётных наград (Нормальный устав, 1910, с. 5–7).

«Нормальный устав» стал тем долгожданным нормативным документом, принятие которого кардинально изменило положение в сфере аграрной самоорганизации на местах. Это подтверждали комментарии современников: «Насколько быстрые завоевания в массах сельского населения стала делать с этого времени идея объединения хозяев в сельскохозяйственные культурные общества, показывают следующие цифры: к концу 1905 года число сельскохозяйственных обществ возросло уже почти до одной тысячи, следовательно, всего лишь за 8 лет с 1898 г. численность обществ увеличилась более чем в 3,5 раза» (Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах, 1911, с. XV).

Отметим техническую простоту «бумажной» процедуры. Для организации общества на основе устава требовалось, получив шаблонный текст, всего лишь вписать название общества, места проведения собраний, пребывания совета и пр.

Утверждение 4 марта 1906 г. «Временных правил об обществах и союзах»¹³ (ВП) послужило новым стимулом к росту местных сельскохозяйственных объединений. ВП позволяли регистрировать создаваемое общество (независимо от характера его деятельности) упрощённым порядком — путём подачи заявления на имя главы местной администрации (губернатора или градоначальника). Заявление об образовании общества должно было содержать сведения о его целях, районе действия, правилах приёма членов, способе избрания правления и распорядителя, а также исчерпывающую информацию об учредителях. Общество считалось зарегистрированным, если в течение двух недель учредителям не сообщалось об отказе.

¹³ Подробнее о «Временных правилах» см.: Туманова, 2008, с. 144–171.

Как показывают статистические данные предвоенных лет, принятие ВП повлекло рост численности местных сельскохозяйственных обществ, прежде всего *общей направленности*. При этом подавляющее число вновь созданных объединений относилось к разряду *мелкорайонных* (менее уезда), а также студенческих кружков и пр. Своеобразна их география: большинство было зарегистрировано в губерниях Царства Польского, некоторых западных (Ковенской, Виленской, Витебской) и Московской (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 188). Такое распределение можно объяснить традиционно высокой (по сравнению со средней по России) агрономической активностью западных окраин империи, на которые не распространялось действие НУ. Что касается «неправительственного центра» — Москвы, там самоорганизация захватывала новые пласты общества; возникали всевозможные студенческие кружки, комиссии и т. д.

7 мая 1911 г. была утверждена новая редакция «Нормального устава». Поправки внесли главным образом в положения о правовой стороне деятельности обществ. Так, изменилось содержание параграфов о членстве: отныне в общества допускались лишь подданные Российской империи. Далее, если в прежнем уставе воспитанники учебных заведений, как низших, так и высших, не имели права вступать в общества, теперь запрет сохранялся только для учащихся низших и средних школ. Это позволило в прямом и переносном смысле влить в общества новую кровь: пополнить объединения представителями студенчества. Кроме того, устав 1911 г., как и ВП, требовал представлять список учредителей общества (Нормальный устав, 1912, с. 12).

Приведем общую статистику распределения сельскохозяйственных обществ в зависимости от характера законодательных актов, лежащих в основе их деятельности. По данным начала 1913 г. из 3962 сельскохозяйственных обществ Российской империи:

- 2654 (67 %) действовали на основании «Нормального устава»;
- 819 (20,7 %) — «Временных правил»;
- 489 (12,3 %) — особых уставов (Агрономическая помощь в России, 1914).

Эти цифры дают основания для некоторых обобщений. Итак, важнейшим поворотным пунктом в истории формирования аграрной общественной сферы в России стало принятие Нормального устава. Что неудивительно, поскольку устав упростил создание местных обществ, вовлек в процессы самоорганизации значительные массы сельских хозяев российской глубинки. Не менее важный импульс аграрной самоорганизации был придан принятием «Временных правил», которые способствовали узакониванию кружковой активности, проникновению общественной жизни на уровень отдельного поселения и т. д. И итоговый общий вывод: подавляющее большинство — 87,7 % (3412 из 3962) — сельскохозяйственных обществ Российской империи относилось к числу местных, с радиусом действия не более губернии.

В чем состояла специфика их организационного устройства?

Разнообразие местных обществ выразилось, в том числе, в значительных отличиях в их *организационном устройстве*. Многие определялись принадлежностью объединений к тому или иному типу (общие или специальные) и подгруппе (губернские, уездные). Отметим при этом, что даже в пределах одной подгруппы в устройстве обществ присутствовали специфические черты, обусловленные их географическим положением, научно-практическими интересами, особенностями властных отношений¹⁴.

¹⁴ Об этом же свидетельствуют исследования естественнонаучных обществ (см.: Савчук, 1994).

Начнем с *организационной структуры* обществ.

Если крупные всероссийские объединения в своей работе опирались на комитеты, отделения, часто — региональные отделы, то подавляющее большинство местных обществ либо вообще не имели структурных подразделений, либо действовали через значительно более простые с точки зрения организации комиссии. Нередко комиссии работали *de facto*, не проходя утверждение на общем собрании и соответственно оставаясь официально незарегистрированными.

Особая картина наблюдалась на Западе и Юго-Западе империи. Там на губернском уровне общества имели отделения, отделы. Например, при Виленском губернском обществе сельского хозяйства (1899) состояли комитеты: агрономический, винокуренный, по скотоводству и молочному хозяйству, для содействия образованию и др. (Потребительские и сельскохозяйственные общества, 1910, с. 349–350). Подольское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности (ПодолОСХ, 1888) имело 9 отделений (среди них — полеводства, садоводства, лесоводства, скотоводства) и два региональных отдела (там же, с. 432–433). Более того — отдельные *уездные* общества также имели отраслевые комитеты и подчинённые подразделения (волостные и пр.). Например, Лохвицкое общество сельских хозяев Полтавской губ. (1886) включало четыре комитета (животноводства, пчеловодства, рыболовства и рыбоводства, кустарный) и два региональных отделения (там же, с. 437). При Уманско-Липовецком сельскохозяйственном обществе Киевской губ. (1901) существовало 11 отделений, в том числе научно-агрономическое, полеводства, экономико-статистическое, техническо-промышленное (там же, с. 375–376).

Также вариативна картина *внутреннего устройства* обществ.

Каждое общество обязано своим существованием *членам-учредителям*. Отметим, что данная категория членов в ранних нормативных документах не выделялась; тем не менее в уставах ряда обществ специально оговаривались права и полномочия группы лиц, которым принадлежала инициатива их основания. Так, Тверское общество сельского хозяйства и садоводства (ТверОСХиС) в качестве приложения к уставу 1863 г. имело документ, где говорилось: «первоначальные распоряжения по открытию действий общества возлагаются на Членов-учредителей..., которые избирают совет, президента, секретаря и казначея» (Устав Тверского общества, 1864, с. 15). Коррективы внесли «Временные правила» и поздние редакции «Нормального устава»; предлагалось не только приводить поименный список учредителей, но полностью указать биографические данные, звание и место жительства. В отдельных изданиях устава помещались специальные наставления, адресованные учредителям (Нормальный устав, 1912, с. 12). Можно предположить, что такая гласность служила гарантией эффективности деятельности конкретного общества, связывая его инициаторов персональной ответственностью за проявленную активность. Некоторые общества приводили список членов-учредителей в каждом годовом отчёте.

Традиция основания центральных обществ земельной аристократией распространилась «на места»: учредителями губернских обществ стали провинциальные помещичьи дворяне. Когда центр активности переместился на уровень уезда и волости, изменился и социальный состав учредителей. Возросло число обществ, созданных по инициативе сельской интеллигенции, образованных крестьян. Так, среди учредителей уездных и волостных обществ:

- 32,1 % составляли земские деятели, прежде всего агрономы;
- 23,7 % — крестьяне;

- 10,7 % — местные землевладельцы (дворяне, представители буржуазии);
- 9,4 % — священнослужители;
- 7,9 % — народные учителя (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 197).

Центральную группу, ядро общества, составляли *действительные члены*. Исторически процедура избрания новых членов была достаточно сложной: требовались рекомендации, аграрный опыт, учёные труды. Например, шестой параграф устава ОСХЮжнР предписывал выдвигать в действительные члены «помещиков и жителей Новороссийского края и Бессарабской области и внутренних губерний России, равно как и иностранцев, известных своими познаниями и опытами в сельском хозяйстве, или учёными трудами, относящимися к цели занятий общества» (Боровский, 1878, прил. 1, с. 4.). Определённый порядок рекомендаций соблюдался и в большинстве губернских обществ. Так, в уставе Рязанского общества сельского хозяйства (РязОСХ, 1864) оговаривалось, что «желающий быть избран в члены общества предлагается одним действительным или почетным членом» (Устав Рязанского общества, 1866, с. 4–5). Чтобы вступить в уездные общества, достаточно было готовности платить взносы.

Здесь же уместно сказать и о размерах *членских взносов*, которые для местных обществ имели разброс от 3 до 15 руб. Выделялось на общем фоне лишь ОСХЮжнР, которое при своем основании установило членский взнос в 50 руб. Добавим в качестве бытового фона: в документах отмечено, что устав общества был «Высочайше утверждён 12 сентября 1828 г. на корабле “Париж”» (Боровский, 1878, приложение 1, с. 5). Вероятно, с императорского борта сумма в 50 руб. не казалась столь крупной. Правда, уже в следующем уставе, принятом в 1845 г., размер членских взносов сократился в разы — до 8 руб. (там же, с. 7). В отдельных случаях в общества принимали без уплаты членских взносов — «в уважение особенных причин» (Устав Тверского общества, 1864, с. 5).

Действительный член мог стать *пожизненным*, что требовало единовременного взноса от 30 до 100 руб. Например, в РязОСХ эта сумма составляла 50 руб. (Устав Рязанского общества, 1866, с. 5). *Почётных членов* обычно избирали на годичном собрании. В большинстве местных обществ две последние категории членов отсутствовали.

Следующими по важности после действительных были *члены-корреспонденты*. Как и в других типах добровольных объединений, они участвовали в общественной жизни с правом совещательного голоса, но освобождались от уплаты членских взносов. Избирали членов этой категории так же, как и действительных. Другое название этой группы — *члены-соревнователи* — встречалось в сельскохозяйственных обществах крайне редко¹⁵.

Число членов в различных обществах варьировало от нескольких сотен в губернских до десятков в волостных объединениях и кружках. Так, в ПолтОСХ в 1887 г. состояло 222 члена (включая почётных и пожизненных) и 36 корреспондентов (Тихомиров, 1887, с. 18–26); в Киевском обществе по данным 1892 г. насчитывалось около 400 членов (Рева, 1892, с. 10); ХарькОСХ в 1908 г. имело в своем составе 301 члена (из них 276 действительных, 19 почётных, 6 пожизненных), а также 11 соревнователей (Головко, 1910, с. 118). Что касается менее крупных обществ, интересную картину дает Ярославская губерния. Там действовало около 60 мелкорайонных обществ, среднее число членов в этих обществах составляло немногим более 30 человек. На этом фоне выделялись три волостные общества: Хлестовское (72 члена), Пречистенское (100), Цикаловское (168)

¹⁵ *Дускультанты* (занимавшиеся переводческой деятельностью) как самостоятельная группа существовали только на ранних этапах.

(Неклепаев, 1913, с. 10). В целом по империи данные в отношении численного состава местных обществ таковы: в среднем 170 человек для губернских, 100 — для уездных, 65 — для волостных, 50 человек для обществ с радиусом действия меньше волости (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 201–203).

Приведённые цифры можно дополнить картинами «реального членства». Так, в некоторых обществах, возможно, из-за оторванности их работы от запросов населения, отмечалась «своего рода текучесть элементов», когда «вступают в общество, не объясняя причин», и через два-три года «уходят из общества, ничем не мотивируя свой уход» (Рева, 1892, с. 3). Такая картина наблюдалась в Киевской губернии. В Ярославской губернии сетовали на «некультурность многих членов, которые жалуются, когда их часто собирают, и не являются на собрания» (Неклепаев, 1913, с. 17).

Если попытаться нарисовать *социальный портрет* члена местного общества, можно заметить, что чем меньше район деятельности общества, тем «ближе к земле» его участники. Это люди, связанные с сельским трудом, — крестьяне и мелкие землевладельцы. Подчеркнём: не с агрономией, не с любительством в этой сфере, а с трудовой земледельческой практикой. Например, таких было большинство в волостных обществах. Там же отмечался самый высокий процент неграмотных членов: 15 % для объединений общей направленности и 5 % для обществ специальных (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 206). Чем «крупнее» местное общество, тем заметнее присутствие в его рядах профессионалов: деятелей земской агрономии, кооперации, людей науки. В губернских объединениях они составляли примерно 60 % (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 203).

Возглавлял местные общества председатель, реже — президент¹⁶. Он же являлся главой важной структуры — *совета*; работа совета состояла в решении организационных вопросов, ведении финансов, осуществлении представительских функций (Нормальный устав, 1912, пар. 26). Заседания проводились ежемесячно, в случае необходимости — чаще. Так, в 1913 г. при опросе некоторые общества Ярославской губернии высказали пожелания собирать совет «по крайней мере два-три раза в месяц. Эти частые собрания способствовали бы к объединению членов, а при обмене их мыслей выяснили бы нужды деревни и средства, как устранить эти нужды» (Неклепаев, 1913, с. 17).

Рассмотрим, как проходила «повседневная жизнь» местных обществ. Основой её были *собрания* — обыкновенные, годовые и чрезвычайные. Созыв последних предполагал экстраординарную ситуацию, например закрытие общества. Обыкновенные и годовые «посвящаются рассмотрению текущих дел и вообще всех вопросов, относящихся к деятельности общества, а также выборам действительных членов и членов-корреспондентов и сотрудников» (Нормальный устав, 1910, пар. 37). По уставу ХарькОСХ, например, общие обыкновенные собрания созывались примерно пять раз в год. Годичное собрание того же общества проходило в январе: читался отчет, рассматривалась и утверждалась смета и т. п. (Устав Харьковского общества, 1891, с. 8–11). Что касается мелкорайонных обществ, большинство из них проводили только годовые собрания. В целом сельскохозяйственные общества, в отличие от естественнонаучных, вынуждены были придерживаться сезонности сборов, освобождая «горячие» периоды посевных, уборочных и других работ. В интервалах между собраниями бюрократическую работу осуществляли *члены-сотрудники*: секретари, казначеи и пр., в отдельных случаях получавшие за нее вознаграждение.

¹⁶ Одним из обществ, где избирался президент, было РязОСХ (Устав Рязанского общества, 1866, с. 10). Президент стоял во главе и всех крупных межрегиональных обществ.

Таковы положения уставных документов. Приведём и свидетельства современников, говорящие о том, что реальная жизнь обществ расходилась с регламентированной. Вот одно из описаний: «Общее собрание членов Киевского сельскохозяйственного общества — это один сплошной курьез. Номинально общество это имеет около 400 членов, в действительности же бывает иногда, что на общее собрание нельзя созвать более 20 человек, да и то ещё слава Богу!» (Рева, 1892, с. 26). Причины, по мнению автора: расстояния, нехватка времени, отсутствие интереса к общественной жизни.

Бюджет обществ формировался из нескольких доходных категорий. Основой были *членские взносы*, о которых говорилось выше. Бюджет рядового местного общества складывался из следующих статей: «а) годовичные и единовременные взносы членов; б) проценты с капиталов; в) деньги, выручаемые от продажи изданий и от сельскохозяйственных предприятий общества; г) субсидии и пожертвования земства и частных лиц» (Устав Харьковского общества, 1891, с. 13). Добавим, что со временем почти все общества (кроме мелких производственных) стали получать регулярное казенное вспомоществование. Основные статьи расходов: «оборудование, семена, удобрения и др.; научно-просветительская работа (включая опытные учреждения, библиотеки, выставки, курсы и др.); издательско-типографские и канцелярские расходы; вознаграждение секретарям, членам совета и ревизионной комиссии; разъезды по делам общества; прочие расходы» (Головко, 1910, с. 113).

По отзывам представителей местных обществ, бюджеты их «весьма примитивны и не всегда сводили концы с концами, но они очень любопытны для характеристики финансового положения наших сельскохозяйственных обществ» (Неклепаев, 1913, с. 81). Например, бюджет волостного общества Ярославской губернии — примерно 150 руб. (членские взносы — около 50, пособие губернского земства — 75, остальное — выручка от операций с сельхозпродуктами). Бюджет более крупного уездного общества той же губернии — около 3000 руб. (членские взносы и пожертвования — более 550 руб., средства от продажи продукции — около 1500 руб., пособие губернского земства — 960 руб.) (Неклепаев, 1913, с. 82–85). Губернские общества, как правило, располагали значительно более внушительными средствами. Так, бюджет ХарькосХ в 1907/1908 г. выразился суммой в 10 400 руб., из которых по 3000 поступали в виде субсидий от губернского земства и ДЗ (Головко, 1910, с. 132). Неудивительно, что именно недостаток средств был назван респондентами общественных опросов главным препятствием в работе. Вслед за харьковским агрономом А.Г. Головко многие задавали риторический вопрос: «В самом деле, что может сделать, например, <...> уездное общество, у которого средний годовой бюджет 3858 руб. Можно ли с такими средствами иметь все необходимое для правильной работы и вести ее в должных размерах?» (там же). По всеобщему мнению, именно «недостаток средств не дает обществам возможности иметь секретарей с надлежащей научной и практической подготовкой, т.к. никто не пойдет в деревню на 100–400 руб. в год; по той же причине <...> общества не могут широко развернуть свою работу <...>, вознаградить членов совета за их труды» (там же).

Как именно сельскохозяйственные общества занимались «усовершенствованием сельского хозяйства»?

Какой же была эта общественная работа? Как, при общем недостатке средств, удавалось «развернуть ее широко»? Что определяло характер и направления агрономических мероприятий «на местах»?

Каждое из местных обществ внесло свой индивидуальный, часто уникальный вклад в дело усовершенствования сельского хозяйства. Работа в этой сфере шла по нескольким основным направлениям.

Одно из них — конкретная *экономическая помощь* сельским хозяйствам. Здесь общества объединили свои усилия с земствами. Среди основных форм помощи: устройство прокатных и зерноочистительных станций; приобретение племенных производителей и организация случных пунктов; налаживание работы всевозможных складов (семян, удобрений, инвентаря и пр.) и организация снабжения (по низким ценам или бесплатного) местных крестьян. При этом заметим, что на проведение подобных мероприятий общества получали крупные целевые субсидии от ведомства земледелия.

Второе направление связано с первым и заключается в приглашении специального *агрономического персонала* — агрономов, консультантов, инструкторов, то есть является опосредованной помощью сельским хозяйствам (Елина, 2008, т. 1; Коцонис, 2006).

Важнейшее для нас и наиболее существенное в контексте рационализации сельского хозяйства направление деятельности — поддержка и развитие *агрономической науки*. Речь идёт о создании всевозможных *институций* (просветительско-пропагандистских, образовательных, исследовательских), о финансировании *агрономических исследований*. В рамках этого направления можно выделить четыре главных формы работы, в которую в той или иной степени были вовлечены местные общества: 1) издательская деятельность, прежде всего выпуск периодики; 2) проведение выставок и съездов; 3) организация исследовательских учреждений и поддержка научных исследований; 4) устройство просветительских и учебных заведений.

Начнем разговор с *периодической печати* (сборников, журналов, газет, записок, трудов и т. п.), в которой нашли отражения научно-практические достижения агрономии и результаты текущей работы обществ. Напомним, что общества регулярно выпускали и информационные издания — всевозможные протоколы, отчёты о своей деятельности и пр.

Сельскохозяйственная периодическая печать обязана своим появлением первому российскому обществу — ВЭО. Многие из губернских обществ середины XIX в. также имели свое печатное издание. «Взрыв агрожурналистики», по выражению И.В. Герасимова (2003, с. 282), в период после революции 1905–1907 гг. связывают с ростом численности и расширением деятельности местных обществ.

Тем не менее далеко не все общества имели свой печатный орган; ещё меньшее их число публиковало статьи научной направленности. К 1916 г. в России издавалось более 300 газет, еженедельников и журналов в области сельского хозяйства¹⁷. По нашим подсчётам, собственно научные материалы публиковали примерно 190 изданий. Из них на долю обществ (преимущественно местных) приходится примерно 110, или около 60 %; 27 (14 %) были земскими, 31 (16 %) — государственными; 24 (примерно 12 %) принадлежали частным лицам. И.В. Герасимов, проводивший общую оценку влияния общественных секторов на развитие агропериодики, приводит следующие данные: к 1916 г. правительственные учреждения, земства и частные издатели контролировали примерно по 15 % изданий (вместе — 45 %); остальные 55 % приходились на «конгломерат всевозможных общественных организаций: кооперативы, сельскохозяйственные и профессиональные общества» (Герасимов, 2003, с. 285). Как видим, цифры близки, особенно

¹⁷ Существуют и другие цифры (см., напр.: Вит-ъ, 1915, с. 76; Агрономическая помощь в России, 1914, с. 344), где общее число периодических изданий к 1914 г. приблизительно 350.

по сельскохозяйственным обществам. Таким образом, сельскохозяйственные общественные объединения оказались явными лидерами в издании научной периодики¹⁸.

Рассмотрим варианты её содержательного наполнения на примере печатного органа одного из наиболее известных местных обществ — Лебедянского Тамбовской губ. Уездное по статусу, оно охватило своей деятельностью и соседние Рязанскую, Тульскую, Орловскую и Воронежскую губернии¹⁹. «Записки Лебедянского общества сельского хозяйства» стали выходить с 1848 г. Ежегодно старались подготовить два тома; за 14 лет существования журнала было опубликовано 22 выпуска «Записок». Материалы предварительно докладывались на собраниях ЛОСХ. В числе первых обсуждались вопросы плодородия подпахотного слоя, участия различных слоёв почвы в обеспечении жизни растений и др. Темы работ, опубликованных в «Записках», включали многие важные вопросы агрономической науки и практики. Перечень их обширен: способы и средства удобрения земли, рациональные севообороты, культура кукурузы и сахарной свёклы в центральных губерниях, акклиматизация растений, борьба с вредителями растений, восстановление и разведение лесов, способы переработки продуктов сельского хозяйства, организация труда в сельском хозяйстве и др.²⁰ Членами Лебедянского общества и постоянными авторами «Записок» были первый доктор сельского хозяйства А.В. Советов, ботаник, академик Н.И. Железнов, ботаник-лесовод Н.И. Анненков, химики-технологи П.А. Ильенков и М.Я. Киттары. В обществе состояли многие известные «любители» из числа местных хозяев: А.А. Стахович, М.А. Стахович, А.А. Бобринский, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин. Членом общества был будущий министр земледелия агрохимик А.С. Ермолов (Обозрение действий Лебедянского общества, 1858). На рубеже 1860-х гг. Лебедянское общество решено было присоединить к РязОСХ. Несмотря на свою короткую жизнь, Лебедянское общество и его «Записки» сыграли важную роль центра популяризации агрономии и коммуникации учёных в центральных губерниях.

Если «Записки» уже по жанру принадлежат научной периодике, то для многих других местных изданий трудно выделить какой бы то ни было формальный критерий «научности». Нельзя, например, ориентироваться на название или предполагаемую аудиторию издания. Так, еженедельник «Хуторянин» ПолтОСХ адресован, как может показаться, далёким от науки хуторским хозяевам. Однако издание содержательно соответствовало статусу «научного», публиковало статьи по агрономии; в частности, в 1910 г. там были напечатаны первые научные сообщения Н.И. Вавилова, в то время — практиканта Полтавской опытной станции (Вавилов, 1910а, 1910б). «Вятская газета», «еженедельное подцензурное издание с приложениями по сельскому хозяйству, ремеслам и страховому делу» издавалась с 1894 по 1907 г. губернским земством при поддержке сельскохозяйственного общества. Позиционированная как «доступное по цене и содержанию издание для народа» (Арефьев, 1898, с. 16), «народная газета» (Кулябко-Корецкий, 1899, с. 1), по названию и целям она была ещё дальше от науки. Тем не менее в Вятке выпускали регулярные сельскохозяйственные приложения с научно-популярными статьями по естествознанию, отзывами о книгах по сельскому хозяйству; имелась рубрика

¹⁸ Подсчёты основаны на данных: (Справочник по ... периодической печати, 1916).

¹⁹ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 419. Оп. 1. Т. 1 (1818–1849). Д. 742. Л. 1–6.

²⁰ Сведения собраны на основе изучения выпусков «Записок» (Записки Лебедянского общества, 1848–1861).

«новые открытия и изобретения». В 1899 г. газета получила большую золотую медаль ВЭО за содействие развитию сельского хозяйства. Среди других известных научно-агрономических журналов и еженедельников, издаваемых на общественные средства, — «Записки» ОСХЮЖНР, «Южно-русская сельскохозяйственная газета» и «Агрономический журнал» ХарькосХ, «Полтавские агрономические известия» ПолтосХ и губернского земства, «Земский агроном» (издавался на частные средства А.В. Тейтелем при поддержке общественных организаций Самарской губернии) и др.

Скажем и о весомом вкладе местных обществ в создание корпуса *агрономической научной и учебной литературы*. Как правило, в виде отдельных оттисков выходили все наиболее важные работы, опубликованные в периодических изданиях. И главное: под грифом обществ были изданы многие монографические труды ведущих учёных-аграрников. Например, в 1911 г. ХарькосХ выпустило книгу «Сортоводство. Селекция сельскохозяйственных растений» А.И. Стебута — одно из первых отечественных руководств по селекции (Стебут, 1911).

Теперь о том, что касается *устройства конкурсов, выставок, проведения съездов*, в чём общества также были пионерами. В России XIX в. при слабом развитии сельскохозяйственного образования и малом количестве опытных учреждений подобная деятельность была не менее важной с точки зрения просветительства и консолидации зарождающегося дисциплинарного сообщества, чем выпуск периодики.

Интерес к выставочной деятельности местные общества проявили в 1840-х гг., начав регулярно проводить выставки-ярмарки — сначала в губерниях Центральной России, затем по всей империи (Никонов, 1995, с. 36). Первую крупную выставку устроило Ярославское общество сельского хозяйства в 1845 г. в с. Великом (Дмитриев, 1961, с. 173).

История российских сельскохозяйственных съездов тесно связана с оживлением контактов членов обществ, в первую очередь ВЭО и МосХ, с их европейскими коллегами в 1840—1860-е гг.²¹ В 1864 г. в Москве состоялся первый отечественный сельскохозяйственный съезд, организованный МосХ и приуроченный к всероссийской выставке. Со временем из «центра» — Петербурга и Москвы — активность переместилась на периферию. Так, в начале 1880-х гг. на Юге империи (Одесса, Харьков) земства и общества региона проводили ежегодные съезды по специальным вопросам агрономии, в частности по борьбе с вредителями сельского хозяйства. На южнорусских съездах были приняты важные организационные решения о создании областных опытных станций (Елина, Савчук, 1998, с. 96—110).

Местные общества устраивали и сельскохозяйственные форумы общеимперского масштаба. Так, поворотным событием в становлении новой дисциплины агрономии того времени — селекции — стал проведённый в 1911 г. ХарькосХ при поддержке местных обществ и земств Первый Всероссийский съезд по селекции сельскохозяйственных растений. Съезд собрал более 250 делегатов; среди них — министр А.В. Кривошеин, глава Бюро по прикладной ботанике министерства Р.Э. Регель, известные столичные профессора-аграрники; большинство участников принадлежали к общественному сектору²². Не останавливаясь на научной стороне работы съезда, выделим

²¹ ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 9799. Л. 1—4. К этому времени в Англии, Германии, Франции и других странах созыв съездов стал традицией. Члены МосХ неоднократно высказывались о важности организации подобных форумов в России (Попенченко, 1843, с. 334, 335).

²² Государственный архив Харьковской области (ГАХО, Украина). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1. Л. 104.

главное: участники приняли важные организационные решения в области селекции: о необходимости подготовки специалистов, о создании сети селекционных станций, об учреждении российского общества селекционеров, о выпуске специализированного периодического издания, о регулярном созыве съездов (Труды первого Всероссийского съезда..., 1911, с. 20–34).

Отметим некоторые особенности, которые высветило начинание ХарькОСХ. Впервые инициатива созыва всероссийского съезда в специальной области агрономии принадлежала местным общественным организациям; впервые всероссийский съезд был организован на средства местных обществ и земств; впервые отбор докладчиков, формирование повестки дня и прочее осуществлял комитет съезда, состоящий из представителей местного научного сообщества — без участия столичных учёных. Наконец, впервые местные инициативы в течение продолжительного времени определяли политику формирующегося селекционного сообщества. Иными словами, Харьковский съезд продемонстрировал «центробежные тенденции» — смещение центра агрономической научной активности из центра на периферию — от столичных университетов и академий в местные общественные организации.

Решения съезда были выполнены практически в полном объеме, в том числе усилиями местных обществ. После 1911 г. селекционные отделы и специализированные станции стали открываться во многих регионах; началось чтение курсов по селекции в высших учебных заведениях²³. Вслед за Харьковом в 1912 г. в Петербурге прошёл Второй селекционный съезд, организованный Северным обществом сельского хозяйства (Труды областного съезда по селекции, 1912). Намеченный на 1915 г. также общественный съезд в Москве не состоялся из-за военных событий²⁴. Таким образом, можно утверждать, что инициативы местных обществ дали ощутимый толчок развитию селекции в России.

Разумеется, проводить общероссийские форумы могли лишь финансово состоятельные научно-практические общества, к которым относились Северное общество, ХарькОСХ и некоторые другие объединения Украины, Поволжья, запада империи. Губернские общества других регионов были также вовлечены в организацию съездов и выставок, но в значительно более скромном, провинциальном формате.

Создание *опытных учреждений, патронаж научных исследований* — центральное направление общественной активности. Его важность определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, научно-практическая работа опытных (экспериментальных) полей, станций и институтов «на местах» является залогом прогресса агрономической науки в любой стране. Во-вторых, только на основе применения результатов региональных исследований возможна рационализация сельскохозяйственного производства — как «на местах», так и в масштабах всей страны. Для нас создание исследовательских учреждений служит важнейшим показателем при определении степени «научности» того или иного общества.

Участие общественных организаций в этом процессе представляется особенно значимым на фоне длительного — вплоть до последнего десятилетия XIX в. — отсутствия внимания центральной власти (ведомства земледелия) к этой сфере.

Скажем сразу: в создании исследовательских институций местные общества при участии земств оказались лидерами, оставив позади государство. Вывод сделан на основании следующих цифр: из 330 опытных учреждений Российской империи 17 являлись

²³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 382. Оп. 9. Д. 264. Л. 9–17.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2719–2721.

частными; государство учредило примерно 90; около 100 были созданы по инициативе земств; сельскохозяйственные общества организовали более 120. Дальнейшее изучение последней группы показало: более 90 учреждений принадлежали местным объединениям. При этом губернские и уездные общества открыли одинаковое число опытных учреждений — соответственно 35 и 36; 21 возникло благодаря всевозможным объединениям производителей и земледельцев: товариществ, акционерных обществ и пр.²⁵ Местные общества создали и наибольшее разнообразие опытных учреждений: на примерах из этой группы можно изучать весь спектр опытных институций — от экспериментального поля до селекционной станции.

Исторически первой формой участия обществ в патронаже агрономической науки была *общественная поддержка исследований в частных владениях*. Инициатива принадлежала отдельным членам общества; идею коллективно обсуждали, утверждали проект, выработывали программу работ и т. д. Причины взаимодействия частного лица с обществом в данном деле — и «учёные», и финансовые. Главенствующую роль играла наука: учёные-профессионалы и просвещённые любители благодаря поддержке своих обществ могли осуществить исследования по интересующим их актуальным вопросам агрономической науки. Что касается финансовой помощи, искать её заставляло непосильное бремя затрат: частный патрон, как правило, не мог полностью покрыть дорогостоящие проекты из собственных средств и вынужден был обращаться за дополнительным вспомоществованием. Причины благосклонного общественного отклика на частные инициативы будут изложены ниже, поскольку являются универсальными для общественной поддержки опытных учреждений в целом.

Приведем примеры. В 1880-е гг. под патронажем ХарькОСХ было организовано девять опытных полей в частных владениях Харьковской губернии (Морочанское, Студеньковское, Белоколодезное, Тростянецкое и др.). Инициатива в этом начинании принадлежала профессору Харьковского университета, члену ХарькОСХ А.Е. Зайкевичу. Программа исследований включала вопросы агротехники сахарной свеклы, картофеля, кукурузы, зерновых культур и многолетних трав (Зайкевич, 1893). Нетрудно заметить, что это начинание укладывалось в схему спорадической поддержки исследований в частных владениях, у истоков которой стояли Д.И. Менделеев и ВЭО (Керова, Гасанова, 1990).

Примером другой модели может служить Чистопольское (Змеевское) опытное поле Казанской губернии. Оно возникло в 1898 г. по инициативе членов Чистопольского общества сельского хозяйства князей Ливен — прежде всего П.А. Ливена, земского гласного. Семья Ливен предоставила для опытных работ участок из земель своей экономии Змеево. Использовались существующие постройки, в которых оборудовали лабораторию, метеостанцию, квартиры для сотрудников. Бюджет опытного поля формировался из средств общества, пожертвований в разной форме от князей Ливен и субсидий ДЗ (1000 руб.). Организационный план и программа опытного поля разрабатывались обществом при содействии губернского и уездного земских агрономов. Работы велись по трём направлениям: 1) приемы обработки и удобрения почвы; 2) изучение многопольных севооборотов и травосеяния; 3) сортоиспытание. Главными «опытными»

²⁵ Подсчёты сделаны нами (Елина, 2008, т. 2, с. 278–352). Общее количество известных нам опытных учреждений приближается к 400 в 1916 г. С учётом неопределённой цеховой принадлежности ряда учреждений и других поправок (прекращение работы, слияние учреждений и пр.) мы получили цифру 330. Эти данные открыты для уточнения.

культурами были хлебные злаки, корнеплоды, горох, чечевица, подсолнух, лён. В отчётах Чистопольского поля 1910-х гг. отмечены «признаки улучшения местной культуры хлебов», «расширение травосеяния на крестьянских землях», что объясняли проведением коллективных опытов и продажей крестьянам сортовых семян по низким ценам (Чистопольское (Змиевское) опытное поле, 1912, с. 72–75).

С конца 1880-х — начала 1890-х гг. местные общества выступают как независимые организаторы опытных учреждений. Разберём, какие причины побуждали к реализации таких дорогостоящих проектов, как функционировали эти учреждения, какие научно-практические задачи решали.

Если говорить о мотивах создания обществами опытных институций, они кажутся очевидными: рационализация сельского хозяйства в конце XIX в. уже не мыслилась в отрыве от науки. Отметим и особые социально-экономические обстоятельства, которые повлияли на все общества вне зависимости от их местоположения и размера. Речь идёт о неурожае и «великом голоде» 1891–1892 гг., когда соображения морального толка и бедственное положение сельских хозяев всех уровней стали решающими аргументами для выделения денег на научные эксперименты.

Однако далеко не все общества вкладывались в науку; среди тех, кто это делал, явно выделяются лидеры. Здесь мы переходим на уровень «локального», к анализу влияния местных факторов на запросы земледелия. И соответственно, на формирование характера науки «на местах», поскольку местная землевладельческая общественность побуждала учёных прислушаться к своим интересам.

Анализируя географию опытных институций, созданных местными обществами, можно увидеть их осязаемое присутствие в губерниях Западного района (Прибалтике, Царстве Польском, Белоруссии — 26), на Юге и Юго-Западе России (Екатеринославской, Киевской, Подольской и других губ. — 22), в Северном и Южном Черноземье (от Курской и Тамбовской до Харьковской и области войска Донского — 21). Для сравнения: в Центральном и Северном районах (Московская, Владимирская, Калужская, Рязанская, Тверская, Костромская, Вологодская, Новгородская, Петербургская губ.) местные общества открыли лишь 7 опытных станций и полей²⁶. Очевидный вывод: позицию местных обществ в создании опытных учреждений определяли региональные особенности.

Можно предположить, что на Западе империи, наряду с экономическими соображениями, сказывалось влияние давних европейских установок на развитие агрономической науки при общественной поддержке. Напомним про высокий уровень аграрной самоорганизации в этом регионе, что позволило развивать общественную поддержку при абсолютном неучастии «центра» и отсутствии вспомоществования земств.

Для хлеборобных областей (от Черниговской и Херсонской губ. на западе до Самарской и Саратовской на востоке) главные побудительные причины лежали в области социально-экономической. Именно этот регион являлся главной житницей империи; его можно условно назвать «черноземным». Наличие множества крупных высокодоходных хозяйств с достаточно дешёвой рабочей силой позволяло местным обществам «нанимать» науку для получения ещё больших доходов. Однако с основным богатством

²⁶ Подсчёты сделаны на основе: Елина, 2008, т. 2, с. 278–352. Отметим Восточный район (поволжские губернии, от Саратовской до Казанской), где практически все опытные учреждения — 25 из 29 — были созданы по инициативе земств; два учреждения возникли при поддержке сельскохозяйственных обществ.

региона — чернозёмами и относительно мягким климатом, было связано немало проблем: почвенная эрозия, засухи, весенние заморозки и пр. Бороться с таким набором «бедствий» можно было только с помощью рекомендаций региональной науки; разработки столичных ученых в данном случае не подходили. Проблемы хлебного экспорта (структурные: малая доля продуктов переработки, биологические: низкое качество зерна и пр.), стремление увеличить доходность торговли — другой побудительный мотив, заставивший выделять деньги на научные исследования, изучать опыт главного соперника в этой сфере — США. Со временем важным стимулом развития опытных учреждений стала и научная конкуренция между соседними губерниями. Об инициативах объединений сельских хозяев региона говорили современники: «Почин <...> принадлежит сельскохозяйственным обществам главных земледельческих губерний черноземной полосы, где частые недороды и общий недостаток влаги заставляли более передовых хозяев прибегать за помощью к науке. При этом, как и в устройстве первых опытов Императорского Вольного экономического общества, в этих начинаниях сельскохозяйственных обществ принимают самое энергичное участие представители агрономических и естественных наук, которым нередко принадлежит самая мысль устройства тех или иных опытных учреждений» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 360).

Что могла предложить наука для решения отмеченных проблем? Разумеется, традиционно рассчитывали на агротехнику: разработку рекомендаций по сохранению влаги (техника вспашки, время посева и пр.), создание особых севооборотов и др. Повышение урожаев уже не представляли себе без участия агрохимии, применения удобрений. Но главные ожидания в регионе (как и во всем мире) были связаны с молодой тогда наукой селекцией, которая бралась за кардинальное «улучшение» посевного материала. Итак, потребность в новых высокопродуктивных сортах, обладающих особыми характеристиками (засухоустойчивость, зимостойкость, высокое содержание питательных веществ и т. д.) привела к созданию общественных опытных учреждений, основным направлением работы которых стала селекция. Неудивительно, что центр селекционной деятельности в России пришёлся главным образом на Чернозёмный регион, то есть оказался на географической периферии. Большинство местных общественных опытных учреждений были так или иначе связаны со всем спектром работ в области селекции — от сортоиспытания известных и интродукции новых культур до выведения новых сортов. Кроме того, местные опытные поля и станции выполняли традиционные циклы работ по исследованию региональных почв, выработке рекомендаций по применению удобрений, севооборотам и т. д.

Покажем на конкретных примерах, как возникали местные опытные учреждения и выстраивались их научные программы.

История старейшего из них уходит в 70-е гг. XIX в., когда в Полтавском обществе сельского хозяйства возникла идея организации опытного поля. Вопрос так и остался открытым из-за отсутствия денег. Только в 1884 г. была получена субсидия в 10 тыс. руб. от губернского земства на покупку 20 десятин близ Полтавы, что позволило начать работу. В 1893 г. земство за свой счёт добавило опытному полю ещё 45 десятин (Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям, 1912, с. 148–162). На обустройство, строительные работы и прочее ПолтОСХ потратило крупную сумму в 40 тыс. руб., причём «...частные лица приходили на помощь... пожертвованиями лошадей, орудий и т. п.» (там же, с. 160). Бюджет учреждения был также внушительным: он складывался из субсидий земства (3–4 тыс. руб.), средств от продажи сельскохозяйственных продуктов (1500 руб.), пособий ДЗ (от 900 руб. при основании до 4 тыс. руб. в 1900-е гг.),

«регулярных взносов члена общества г. Безака» (300 руб.), доходов от заказных исследований и продажи выпусков печатного издания — «Трудов» Полтавского опытного поля (200 руб.). Материалы исследований, помимо «Трудов», публиковались в ведущих местных общественных изданиях, в том числе в «Записках» ПолтОСХ и еженедельнике «Хуторянин». В 1910 г. поле было преобразовано в Полтавскую опытную станцию; бюджет возрос до 19 тыс. руб., вскоре был открыт селекционный отдел (Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях, 1911, с. 139–165). Среди сотрудников станции назовём С.Ф. Третьякова, выпускника Московского университета и Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства. Под его началом была разработана программа опытов, направленная на «решение вопроса борьбы с засухой» и включавшая изучение агротехнических приемов, «испытание сортов основных хлебов... с их последующим улучшением» (там же, с. 162). Систематические селекционные исследования проводились уже в 1905–1910 гг. Главные результаты, принесшие известность Полтавской станции, — выведение селекционных сортов, — были получены уже в советское время.

Особые опытные учреждения возникли под патронажем обществ, которые можно условно назвать агропромышленными. В этой области лидировали объединения свеклосахарной промышленности — производителей семян и сахарозаводчиков. Территориально они охватывали Южное Черноземье, часть губерний Южного и Юго-Западного районов, некоторые балтийские и привислинские губернии. Это были весьма успешные, «богатые» общества: по вкладу в общемировой сбор сахарной свёклы перед войной 1914 г. Российская империя занимала второе место, уступая лишь Германии (Чаянов, 1927).

В 1886 г. акционерным обществом «К. Бущинский и М. Лонжинский» была основана одна из первых опытных станций — Немерчанская в Подольской губернии. Помимо селекции сахарной свеклы на станции занимались также выведением новых сортов зерновых (в том числе с использованием гибридизации — работы Э.Ю. Заленского), некоторыми теоретическими вопросами — изучением наследования приобретенных изменений. В 1890 г. в Киевской губ. была создана общественная Кальникская опытная станция, также ориентированная на селекционные работы по культуре сахарной свеклы. В 1899 г. также в Киевской губ. была открыта Верхняцкая селекционная станция, которая принадлежала Товариществу сахарного завода «Верхнячка» (Елина, 2008, т. 1, с. 253–262).

Харьковское общество сельского хозяйства в 1908 г. открыло первую широкопрофильную специализированную селекционную станцию. На её строительство и оборудование были затрачены деньги общества, Харьковского губернского земства и казны (общая сумма — более 50 тыс. руб.). Участок земли общество арендовало у городских властей Харькова. В содержании станции (годовой бюджет — около 9500 руб.) примерно поровну (по 4000 руб.) участвовали земство и сменившее МЗиГИ Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ); использовались также доходы от продажи сельхозпродуктов. В задачи станции входило «изучение и возможное улучшение возделываемых в данной области сельскохозяйственных растений и выведение новых сортов; в ближайшее время (речь идет о 1911 г. — *О.Е.*) изучаются сорта главнейших хлебных растений (пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы и проса), а также некоторых кормовых растений (вики, клевера и люцерны) и начаты уже селекционные работы» (Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях, 1911, с. 252). На станции работали известные учёные: профессор Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства

П.В. Будрин²⁷, В.Я. Юрьев. Со временем Харьковская станция выпустила множество сортов пшеницы, ржи, ячменя, кукурузы, вики и др.

При этом надо отметить, что в рамках государственного сектора в тот период селекционных станций ещё не существовало. Так, известный селекционер, учитель Н.И. Вавилова, приват-доцент кафедры общего земледелия Московского сельскохозяйственного института (МСХИ) Д.Л. Рудзинский долгие годы добивался открытия в институте селекционной станции; борьба увенчалась успехом только в 1908 г. Станция стала первым государственным учреждением в области селекции в России (Elina, 1997).

Имена Рудзинского, Регеля и других столичных адептов селекции и ее теоретической основы — менделизма — не перекрывают длинного списка «периферийных» учёных-менделистов, в том числе оказавшихся во главе активно создававшихся общественных селекционных подразделений. Воспользовавшись выражением И.В. Герасимова, скажем, что эти люди принадлежали к *новой генерации* профессионалов-аграрников (Герасимов, 2003, с. 282). И хотя Герасимов не настаивает на возрасте как главной характеристике поколения, мы утверждаем: как правило, их объединяла именно молодость и увлечение «молодой» наукой селекцией. Возглавить работы по селекции поручали не опытным агрономам с именем (и, возможно, консервативными взглядами на растениеводство), а поколению тридцатилетних, открытому для восприятия нового. Есть и другое объяснение: молодые социально мобильнее, их легче (дешевле) нанять. Мы полагаем, что истина — посередине: агрономы новой генерации действительно охотнее шли на перемену места работы, нуждаясь в стабильном заработке; одновременно они были увлечены новыми научными концепциями, способны быстро освоить зарубежный опыт и реализовать его на практике. Отметим, что зарубежные стажировки общества организовывали на собственные средства, привлекая земства; иногда поездки удачно совпадали с командировками для подготовки к профессорскому званию. Так, возглавить работы по селекции на Одесском опытном поле, организованном ОСХЮжнР, пригласили 26-летнего приват-доцента Новороссийского университета А.А. Сапегина. Во время целевой зарубежной командировки от университета уже по инициативе общества он объехал ведущие селекционные станции Западной Европы, изучая организацию и методики селекции. В результате селекционная программа в Одессе была выстроена по схеме передовой в то время Свалёфской селекционной станцией в Швеции (также общественной). Впоследствии (1918) под началом Сапегина опытное поле было преобразовано в селекционную станцию, которая отчиталась перед новой советской властью десятком ценных сортов озимой и яровой пшеницы; в их числе Земка, Кооператорка, Степнячка, Одесская-4 (Драголи, Кушнир, 1978, с. 21–45.).

Подводя итог сказанному, отметим, что местные объединения не только возглавили список патронов опытных селекционных учреждений, но фактически оказались в центре процесса консолидации агрономического сообщества России. На этот факт обращали внимание и современники, учёные-аграрники новой генерации. Так, в 1911 г. в предисловии к уже упоминавшейся книге «Сортоводство» молодой селекционер А.И. Стебут, руководивший в то время земской опытной станцией в Саратове, отмечал: «Интерес к селекционным... вопросам несомненно крепнет в России... И нельзя не отметить в высокой степени

²⁷ Одним из первых профессоров империи Будрин включил в свой курс растениеводства в Новой Александрии и особенно Харьковском университете (приват-доцентский курс) разделы по методам научной селекции и менделизму (Вергунов, Коваленко, 2004).

многозначительного и отрадного явления, что это движение совершается пока исключительно по частной, вернее, общественной инициативе. Это, пожалуй, первое дело, в котором с самого начала местные силы на свой страх рискнули начать новое дело» (Стебут, 1911, с. V).

Нам осталось сказать об *учебно-просветительской* деятельности обществ. Эта тема — логичное продолжение разговора об опытных учреждениях. Одним из направлений их работы была «агрономическая помощь» местным хозяевам. Она заключалась в проведении экскурсий с демонстрацией инноваций, в организации *показательных*, или *коллективных опытов* на крестьянских землях и т. п.

Как проводилась такая работа, рассмотрим на примере Елецкого общества сельского хозяйства Орловской губ. (1913). Для коллективных опытов по договорённости с крестьянами было рекомендовано несколько десятков хозяйств. Из предложенной программы крестьяне сами отобрали следующие интересовавшие их направления: агротехника озимых (10 хозяйств), время вспашки овса (9 хозяйств), влияние минеральных удобрений (4 хозяйства). Предварительная работа по разбивке и налаживанию опытных участков осуществлялась специальным персоналом; в дальнейшем крестьяне самостоятельно продолжали работу под контролем инструкторов. Единовременные расходы составили около 4000 руб.; текущие расходы (содержание заведующего опытами, постоянных и разъездных инструкторов, покупка орудий, материалов и пр. — 5330 руб.) покрывались местным земством. Как говорилось в отчёте, опыты «представляли живой практический интерес для участников», способствуя улучшению местной культуры земледелия (Доклад о коллективных опытах, 1915, с. 8–11).

Проведение бесед, чтений, устройство курсов и прочее относится к достаточно поздней форме просветительской деятельности вообще и общественной в частности. Это направление начало оформляться после принятия временных правил по устройству чтений в конце 1890-х гг. и особенно положения о сельскохозяйственном образовании 1904 г., которым «чтения и беседы поставлены были в ряду учебных установлений для распространения сельскохозяйственных знаний» (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 328–330).

Популярностью у крестьян пользовались *сезонные курсы* разной продолжительности — от нескольких дней до недель. Как правило, они охватывали какую-либо отдельную отрасль сельского хозяйства, устраивались в сезон соответствующих работ в полевых условиях. Их разновидность — *передвижные курсы*. Самые известные принадлежали многочисленным обществам пчеловодства (Об устройстве Передвижных курсов, 1914). Альтернативой были более основательные *зимние курсы*, в том числе для подготовки инструкторов по специальным отраслям сельского хозяйства и т. д. Среди других интересных примеров — *агрономические чтения и беседы* в воинских частях; этим занималось Московское общество распространения сельскохозяйственных знаний в народе²⁸. По данным 1912 г. общественным сектором было устроено 37 % чтений и 38 % курсов по сельскому хозяйству (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 338–341).

Создание *сельскохозяйственных школ* всех ступеней, напротив, имеет глубокие корни, уходящие в ранние периоды деятельности известных межрегиональных обществ. Так, основание опытного хутора МОСХ (1821) относится к числу первых мероприятий общества. Как правило, общества поддерживали частные инициативы своих членов; проект МОСХ был предложен Д.М. Полторацким, считавшим важным, чтобы «многие заимствовали познания... практической части земледелия» (цит. по: Неручев, 1877,

²⁸ ЦИАМ. Ф. 1575. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–9.

с. 2). Если говорить о вступлении на эту стезю местных обществ, одним из первых было Симбирское общество сельского хозяйства, открывшее сельскохозяйственную школу I разряда в 1890-х гг. (Агрономическая помощь в России, 1914, с. 260).

Говоря об общественном участии в создании женских школ, И.И. Юкина отмечает: «частная инициатива по организации женского сельскохозяйственного образования, нашедшая свое представительское лицо в виде профессора И.А. Стебута, образовала еще один инициативный “узел” женской сети» (Юкина, 2007, с. 208). С поддержки частных женских школ в российской глубинке начало свою деятельность Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию, созданное в 1889 г. по инициативе известного агронома И.А. Стебута. Среди этих учебных заведений — Зозулинская женская практическая школа сельского хозяйства и домоводства в поместье А.Н. Червонной (1888), Понемуньская женская школа домоводства и сельского хозяйства в гродненском имении баронессы А.И. Будберг (1889), Преображенская женская сельскохозяйственная школа в имении известного общественного деятеля Н.Н. Неплюева (Черниговская губ., 1891, под патронажем его матери и сестёр) и др. (Елина, 2011). В 1904 г. общество открыло Высшие женские сельскохозяйственные курсы в Петербурге, вскоре получившие имя их основателя И.А. Стебута. Курсы возглавил профессор Е.Ф. Лискун; преподавать пригласили С.В. Аверинцева (зоология), В.Н. Сукачева (систематика и география растений), Г.Н. Бонга (агрономическая химия), В.Н. Брунста (общая агрономия), П.С. Броунова (метеорология), Н.К. Недокучаева (растениеводство, частное земледелие), В.В. Пашкевича (плодоводство); летом читался один из первых в России курсов селекции с практическими занятиями (Л.С. Иванова)²⁹. До 1914 г. здесь получили дипломы агронома 33 выпускницы. Курсы имели свою учебно-опытную площадку в имении Княжий двор Шимского уезда Новгородской губ. (Очерк ..., 1915). Не отставала и провинция. В 1913 г. Саратовское общество сельского хозяйства организовало в городе Высшие сельскохозяйственные курсы с 4-летним сроком обучения и правами института (Саратовские..., 1939, т. 1, с. 3–4). Сельскохозяйственные школы и курсы планировались к открытию обществами в Самаре, Омске и Минске.

Объединения аграрной общественности, по сути, проводили собственную политику в области аграрной науки. «Общественный фактор» в результате приходилось учитывать центральному правительству при подготовке законодательных актов в этой сфере. Так, на земских совещаниях по опытному делу в Чернигове, Екатеринославе и Харькове в 1907–1908 гг., не дожидаясь распоряжений центра, самостоятельно приняли решение о сознании крупных областных станций, проводящих оригинальные научные исследования. И только вслед за этим вопрос удалось вынести на повестку дня правительственного совещания. Не удивительно, что при обсуждении проекта закона об областных станциях общественное лобби настаивало на местном подчинении и финансировании этих учреждений; точку зрения регионов поддержали многие столичные учёные. Итоговый документ полностью устраивал аграрную общественность. Областные станции создавались «губернскими земствами или земствами смежных губерний»; менее крупные опытные учреждения рекомендовалось создавать исключительно на местном уровне, по согласованию с местными обществами (Собрание узаконений, 1912, ст. 1011). Принятый закон, по сути, легитимизировал общественное лидерство в организации аграрной науки. Остается добавить, что

²⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 652. Л. 29–29об.

практика создания областных опытных станций подтвердила справедливость предположений о чисто декларативном характере обещаний правительства: при создании некоторых станций земства с трудом получали «казённые» субсидии.

Заключение

Подводя итог изучению развития местных сельскохозяйственных обществ, предложим вариант их общей периодизации:

— рубеж XVIII–XIX вв. — учреждение первых региональных объединений для вспомоществования сельскому хозяйству;

— 1830-е — 1860-е гг. — открытие губернских обществ; первые общественные инициативы в области агрономии; принятие сельскохозяйственных обществ под эгиду ведомства земледелия;

— конец 1860-х — начало 1890-х гг. — перевод регистрации обществ на ведомственный уровень; появление уездных объединений; земская поддержка общественных инициатив;

— середина 1890-х гг. — 1917 г. — государственное субсидирование местных обществ; массовое создание обществ с малым радиусом действия после введения НУ и ВП; активность и лидерство местных обществ в сфере институционализации агрономии.

Итак, общества «на местах» родились в силу потребностей землевладельцев обсуждать и разрешать проблемы местного сельского хозяйства. Значение имел и «научный интерес»: участие в работе обществ стало своего рода университетом для тех, кто интересовался агрономией. Наблюдалось возрастание объема сельскохозяйственной активности в триаде «индивидуум—общество—государство»³⁰. На ранних этапах в деятельности обществ много значила индивидуальная активность отдельных членов. Расширение самоорганизации на местах вывело на авансцену общественную инициативу *per se*. Заметную роль играла земская поддержка, позволившая увеличить объём и повысить качество агрономической работы. Массовое создание местных обществ связано с либерализацией аграрного законодательства. При этом многие сферы их деятельности — от организации опытных учреждений до мероприятий агрономической помощи — начали регулярно субсидироваться правительством (при сохранении общественной инициативы).

Местные общества составляли большинство сельскохозяйственных объединений Российской империи. Как правило, в союзе с земствами они лидировали в издании периодики, просветительской работе среди крестьян, создали большую часть опытных учреждений, оставив далеко позади государство. Общественный сектор являлся «центром» процессов аграрной модернизации в провинции, а значит и в империи в целом.

Стоит отметить и вариативность организационной структуры и деятельности местных сельскохозяйственных обществ в зависимости от различающихся региональных факторов: плодородия земель, близости или удалённости от европейских институций, наличия местных центров финансовой поддержки и пр. Общественная

³⁰ Согласно Ю. Хабермасу (Habermas, 1989, p. 27–31), общества занимают промежуточное положение между личностью и государством; через общественную сферу осуществляются их коммуникации.

форма организации максимально подходила для оперативного решения разнообразных местных агрономических задач в условиях малоповоротливой государственной машины Российской империи.

Литература:

- Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1914. 607 с.
- Арефьев В.* Читатель народной газеты // Русское богатство. 1898. № 12. Отд. II. С. 16–40.
- Биология в Санкт-Петербурге, 1703–2008: энциклопедический словарь / отв. ред. Э.И. Колчинский; сост.: Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011.
- Боровский М.П.* Исторический обзор 50-летней деятельности Императорского Общества сельского хозяйства Южной России с 1828 по 1878 год. Одесса: П. Францев, 1878. 276, 76 с.
- Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.
- Вавилов Н.И.* Опрыскивание как средство борьбы с осотом (*Girsium arvense* Scop.) // Хуторянин (Полтава). 1910а. № 37. С. 1492–1494.
- Вавилов Н.И.* Опыт протравливания семян, инфицированных головней // Хуторянин (Полтава). 1910б. № 38. С. 1543–1545.
- Вергунов В.А., Коваленко С.Д.* Петр Васильевич Будрин. М.: Наука, 2004. 188 с.
- Вит-ъ.* Сельскохозяйственная периодическая печать в России: к ее пятидесятилетию // Агрономический журнал. 1915. № 7–8.
- Герасимов И.В.* Все влияние «знающим людям»: новая генерация российской интеллигенции как модернизаторы // Власть и наука. Учёные и власть. 1880-е — начало 1920-х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Д. Буланин, 2003. С. 278–297.
- Глебов (Меркулов) А.В.* Сельскохозяйственные общества. 3-е изд. СПб.: Н. Ермин, 1908. 32 с.
- Головки А.Г.* Сельскохозяйственные общества Харьковской губернии. Харьков: Харьк. губ. земская управа, 1910.
- Дмитриев С.С.* Возникновение сельскохозяйственных выставок в России // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 172–180.
- Доклад № 75 о коллективных опытах восточной половины Орловской губ. (в районах опытных полей Елецкого и Орловского). Орел: Тип. губ. земской управы, 1915. С. 8–11.
- Елина О.Ю.* От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений. XVIII – 20-е годы XX века. в 2-х т. М.: Эгмонт Россия, 2008. Т. 1: 479 с.; Т.2: 487 с.
- Елина О.Ю.* Сельскохозяйственные общества России, 1765–1920-е гг.: вклад в развитие агрономии // Российская история. 2011. № 2. С. 27–45.
- Елина О.Ю., Савчук В.С.* Опытные сельскохозяйственные станции Российской империи: тенденции развития на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Днепропетровского университета. 1998. Вып. 4. С. 96–110.
- Ермолов А.С.* Неурожай и народное бедствие (причины голода и борьбы с ним). СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1892. 271 с.
- Зайкевич А.Е.* Труды опытных полей организованных в некоторых частных хозяйствах черномоземной полосы России. Отчет за 1892 г. Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, 1893. 100 с.
- Записки Лебедянского общества сельского хозяйства. М., 1848–1861.
- Исторический обзор деятельности Комитета министров: К столетию Комитета министров (1802–1902) / сост. С.М. Середонин. Т. 1. СПб.: Канц. Комитета министров, 1903. 608 с.
- Керова Л.С., Гасанова Н.В.* Боблово — одна из творческих лабораторий Д.И. Менделеева. Л.: ЛО ИИЕТ, 1990. 49 с.
- Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 557 с.

Козлов С.А. Аграрная рационализация в центрально-нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М.: Ин-т рос. истории, 2008. 442 с.

Кочонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России, 1861–1914. М.: НЛЮ, 2006. 320 с.

Кулябко-Корецкий Н.Г. Опыт издания народной газеты: Вятская газета, 1894–1899 гг. СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 111 с.

Лоскутова М.В. Любители и профессионалы: естествознание в российской провинции второй половины XIX — начала XX в. // ВИЕТ. 2011. № 2. С. 45–66.

Неклепаев И.Я. Сельскохозяйственные общества в Ярославской губернии. Ярославль: Типо-лит. губ. зем. управы, 1913. 106 с.

Неручев М.В. Хутор Императорского Московского общества сельского хозяйства. Исторический очерк. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 221 с.

Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 576 с.

Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утв. 28 февр. 1898 г. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 28 с.

Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утв. 7 мая 1911 г. СПб.: Санкт-Петербург. отд. сельхоз. кооперации, 1912. 20 с.

Об устройстве Передвижных курсов Русским обществом пчеловодства. СПб.: Общественная польза, 1914. 9 с.

Обозрение действий Лебедянского общества сельского хозяйства за первое десятилетие с 1847 по 1857 г. М.: Тип. В. Готье, 1858. 106 с.

Отчет о деятельности Сельскохозяйственного совета в первую его сессию (с 7 января по 15 февраля 1895 г.). СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1895. 53 с.

Очерк развития Стебутовских сельскохозяйственных высших курсов за десятилетие их существования и отчет об их состоянии за 1913/1914 гг. / сост. *Е.Ф. Лискун*. Пг., 1915. 137 с.

Попенченко К. Об учреждении съездов для совещаний по предметам сельского хозяйства // Земледельческая газета. 1843. № 42 (25 мая). С. 334–335.

Потребительские и сельскохозяйственные общества Российской империи. Справочник. 3-е доп. изд. / под. ред. В.В. Сапелкина, В.М. Макарова. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1910. XLIV, 548 с.

Путеводитель по научным обществам России / сост. И.И. Комарова. Нью-Йорк: Norman Ross Publishing Inc., 2000. 883 с.

Рева И.М. Киевское сельскохозяйственное общество, его деятели и деятельность. Киев: тип. Ун-та Св. Владимира, 1892. 31 с.

Савчук В.С. Естественнонаучные общества Юга Российской империи, вторая половина XIX — начало XX в. Днепрпетровск: Вид. ДДУ, 1994. 231 с.

Саратовские сельскохозяйственные высшие женские курсы // Труды Саратовского сельскохозяйственного института. 1939. Т. 1. 52 с.

Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях Российской империи. Вып. 1–2. М.: Тип. М.П. Фроловой, 1911–1913.

Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате. СПб.: Тип. Сената, 1912. № 121. Ст. 1011.

Советов А.В. Сельскохозяйственные общества // Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 63. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1899. С. 158–160.

Справочник по сельскохозяйственной периодической печати 1916 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1916. IV, 191 с.

Справочник по сельскохозяйственным опытным учреждениям России / сост. А.Г. Дояренко. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1912. XXXI, 372, 68 с.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах. Ч. 1: Адрес-календарь сведений к весне 1911 г. / под ред. В.В. Морачевского. СПб.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. VII, 434, XV с.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1916. 257 с.

Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах: доп. выпуск адрес-календарных сведений к 1 янв. 1917 г. / под ред. В.В. Морачевского. Пг.: Тип. В.Ф. Киришбаума, 1917. XIV, 298 с.

Стебут А.И. Сортоводство (селекция сельскохозяйственных растений). Харьков: Изд. «Южно-рус. сельхоз. газ.», 1911. 220 с.

Степанский А.Д. Общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. М.: МГИАИ, 1982. 81 с.

Тихомиров В.А. Историческая записка о деятельности Полтавского сельскохозяйственного общества с 1865 г. по 1887 г. Полтава: Тип. насл. Н. Пигуренко, 1887. 257 с.

Тихонов Б.В. Обзор «Записок» местных сельскохозяйственных обществ 30–50-х гг. XIX в. // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 92–162.

Труды областного совещания представителей земств южных губерний России, созванного для обсуждения вопроса о хлебном жуке в Одессе 28 февраля — 6 марта 1881 г. Одесса, 1881. 136 с.

Труды областного съезда представителей земств восьми губерний южной России с 10 по 19 февраля 1882 г. в г. Харькове по вопросу об истреблении хлебного жука и других вредных в сельском хозяйстве насекомых. Харьков, 1882. 132 с.

Труды областного съезда представителей земств и сельских хозяев Южной России, проходившего 7–20 сентября 1910 г. в г. Екатеринославе. Екатеринослав, 1910. 345 с.

Труды Первого Всероссийского съезда деятелей по селекции сельскохозяйственных растений, семеноводству и распространению семенного материала 10–15 января в г. Харькове. Харьков, 1911. Вып. I–IV.

Труды Совещания по организации сельскохозяйственного опытного дела в России, проходившего при ГУЗиЗ с 14 по 20 ноября 1908 г. СПб.: Тип. М.П. Фроловой, 1909. XIV, 407 с.

Туманова А.С. Общественность и формы ее самоорганизации в имперской России, конец XVIII — начало XX вв. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 50–63.

Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2008. 320 с.

Устав сельского хозяйства / Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. II. СПб.: Гос. тип., 1903. 142 с.

Устав Рязанского общества сельского хозяйства. М., 1866. 14 с.

Устав Тверского общества сельского хозяйства и садоводства. М., 1864. 15 с.

Устав Харьковского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Харьков: Тип. И. Варшавчика, 1891. 18 с.

Чаянов А.В. Сельское хозяйство СССР // Энциклопедический словарь «Гранат». 1927. Т. 41. С. 2–22.

Чернуха В.Г. Сельскохозяйственные общества в России в 60–70-е гг. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб., 1991. С. 188–196.

Чистопольское (Змиевское) опытное поле // Сборник сведений о сельскохозяйственных опытных учреждениях. Вып. I. М.: Тип. М.П. Фроловой, 1912.

Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia: Science, Patriotism, and Civil Society. Cambridge (Mass.): Cambridge Univ. Press, 2009. 336 p.

Elina O. Yu. Dionisy Rudzinsky. The plant breeding station at the Moscow Agricultural Academy and its contacts with Svalöf, 1900–1917 // Sveriges Utsädesfeorenings Tidskrift. 1997. Vol. 12. P. 225–234.

Fox R. The Savant Confronts his Peers: Scientific Societies in France, 1815–1914 // Reflexions Historiques, 1980. Vol. 7. P. 241–282.

Gerasimov I.V. Modernism and Public Reform in Late Imperial Russia: Rural Professionals and Self-Organization, 1905–1930. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 340 p.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge: Univ. of Cambridge Press, 1989. 301 p.

Inkster I. Scientific Enterprise and the Colonial “Model”: Observations on the Australian Experience in Historical Context // Social Studies of Science, 1985. Vol. 15. P. 677–704.

Kingston-Mann K. In Search of the True West: Culture, Economics and Problems of Russian Development. New Jersey: Princeton Univ. Press, 1999. 301 p.

Metropolis and Province: Science in British Culture, 1780–1850 / ed. by I. Inkster and J. Morrell. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1983. 288 p.

Nye M.J. Science in the Provinces. Scientific Communities and Provincial Leadership in France, 1860–1930. Berkeley, Los Angeles, London: Univ. of California Press, 1986. 328 p.

Porter R.S. Science, Provincial Culture, and Public Opinion in Enlightenment England // *British Journal for Eighteenth Century Studies*, 1980. Vol. 3. P. 20–46.

Todd J. Science at the Periphery: An Interpretation of Australian Scientific and Technological Dependency and Development prior to 1914 // *Annals of Science*. 1993. Vol. 50. P. 33–58.

Science and Empires: Historical Studies about Scientific Development and European Expansion / ed. by P. Petitjean, C. Jami, and M.M. Moulin. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1992. 411 p.

Pyenson L. Civilizing Mission: Exact Sciences and French Overseas Expansion, 1830–1940. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993. 377 p.

Shapin S. The audience for science in eighteenth-century Edinburgh // *History of Science*, 1974. Vol. 12. P. 95–121.

Shils Ed. The Constitution of the Society. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982. 383 p.

Shils Ed. Center and Periphery. Essays in Macrosociology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1975. 516 p.

Local Agricultural Societies: Towards the Agrarian Modernization of Russia

OLGA YU. ELINA

Institute for the History of Science and Technology named after Sergey I. Vavilov, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; olgaelina@mail.ru

The focus of the paper is on the Russian local agricultural societies: their organization as well as scientific and economic development. The public agricultural activities succeeded in supporting and developing agrarian sciences through practical applications and innovation in local agricultural practice. The paper argues that local societies supported by the zemstvos became the centers of the agricultural progress in the province. Thus they spearheaded the process of agrarian modernization in the Russian Empire.

Keywords: agricultural societies, agronomical science, professionalization of agronomy, public scientific and educational institutions, agrarian modernization.